
ЛИТЕРАТУРА И БИОГРАФИЯ
LITERATURE AND BIOGRAPHY

УДК 82

**ОТГОЛОСКИ ВСТРЕЧИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
С ВДОВОЙ А.С. ПУШКИНА В СТИХОТВОРении
«ИЗ-ПОД ТАИНСТВЕННОЙ, ХОЛОДНОЙ ПОЛУМАСКИ...»**

© Курочкин Александр Валентинович (2022), ORCID: 0000-0001-8291-0427, лектор, экскурсовод, Всероссийский музей А.С. Пушкина (Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 12), alkurochkin@mail.ru

Рукопись стихотворения М.Ю. Лермонтова «Из-под таинственной, холодной полумаски...» до нас не дошла, мотивы и детали его создания остаются до сих пор не проясненными. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел. Традиционно считается, что стихотворение навеяно встречей Лермонтова с неизвестной дамой на маскараде. Между тем полумaska является не бальным атрибутом, а символизирует скрытый от окружающих духовный мир человека. Маска потому и оказывается полумаской, что только немногим избранным приоткрывает душевные тайники героини стихотворения, которая существует лишь в воображении автора. Однако ее поэтический образ возник под впечатлением встречи, имевшей место в действительности. Накануне отъезда Лермонтова на Кавказ произошел его разговор с вдовой А.С. Пушкина – Натальей Николаевной. Подробности беседы, сообщенные ею своей дочери от второго брака – А.П. Араповой, мы находим в мемуарах последней. Сопоставление представленных в них деталей разговора, а также характеристика душевного склада и состояния Натальи Николаевны, переданная ею самой в одном из писем, позволяют обнаружить отголоски состоявшейся беседы в стихотворении «Из-под таинственной, холодной полумаски...». Лермонтов первоначально с предубеждением относился к вдове Пушкина, считая ее виновной в гибели мужа, но в процессе разговора он постиг истинные душевые качества Натальи Николаевны, которая с глубоким сочувствием отнеслась к нему. Постепенно произошло единение душ собеседников, которое нашло отражение в стихотворении. Дата состоявшейся встречи позволяет уточнить хронологические рамки написания стихотворения.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, Н.Н. Пушкина, А.С. Пушкин, А.П. Арапова, стихотворение «Из-под таинственной, холодной полумаски...».

О задушевной беседе Лермонтова с Н.Н. Пушкиной, состоявшейся 12 апреля 1841 года в салоне Карамзиных, перед отъездом поэта на Кавказ, в пушкиноведении и лермонтоведении известно давно. А.П. Арапова, дочь Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской от второго брака, в своих воспоминаниях подробно описала вечер у Карамзиных в доме на Гагаринской улице, когда Лермонтов решился заговорить с вдовой Пушкина. Во многом беллетристические и тенденциозные, преследовавшие цель оправдать обвиняемую в гибели Пушкина его жену, а самого поэта представлявшие в неблаговидном свете, мемуары Араповой тем не менее основывались на рассказах матери и семейных преданиях.

Наталья Николаевна впервые услышала о Лермонтове, когда прочитала стихотворение «Смерть поэта». 10 февраля 1837 года С.Н. Карамзина писала брату Андрею: «Мещерский <князь Петр Иванович – муж Е.Н. Карамзиной. – А.К.> понес эти стихи Александrine Гончаровой, которая попросила их для сестры, жаждущей прочесть все, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать» [Пушкин в письмах Карамзиных 1960, 175].

Знакомство Лермонтова и вдовы Пушкина состоялось в карамзинском салоне не ранее ноября 1838 года, после возвращения Натальи Николаевны в Петербург из калужского имения Полотняный Завод. Несмотря на то, что истинных виновников гибели Пушкина автор «Смерти поэта» назвал и обличил, однако сам он относился к сторонникам тех, кто был убежден: и легкомысленное поведение Натальи Николаевны также явилось одной из причин гибели ее мужа, и этим он выделялся из карамзинского круга, сочувствовавшего пушкинской вдове. «Слишком хорошо воспитанный, чтобы чем-нибудь выдать чувства, оскорбительные для женщины, – писала Арапова, – он <Лермонтов. – А.К.> всегда избегал всякую беседу с ней, ограничиваясь обменом пустых, условных фраз. Матери это было тем более чувствительно, что многое в его поэзии меланхолической струей подходило к настроению ее души, будило в ней сочувственное эхо. Находили минуты, когда она стремилась высказаться, когда дань поклонения его таланту так и рвалась ему навстречу, но врожденная застенчивость, смутный страх сковывали уста. Постоянно вращаясь в том же маленьком кругу, они чувствовали незримую, но непреодолимую преграду, выросшую между ними» [Лермонтов в

воспоминаниях 1989, 343]. П.А. Плетнев в письме к Я.К. Гроту от 28 февраля 1841 года упоминает, что был накануне вечером у Карамзина, перечисляет присутствовавших гостей и описывает их времяпрепровождение: «В 11 часов тряхнул я стариной – и поехал к Карамзинам, где не бывал более месяца. <...> Там нашлось все, что есть прелестнейшего у нас: Пушкина-поэт <Наталья Николаевна. – А.К.>, Смирнова, Растопчина и проч. Лермонтов был тоже. Он приехал в отпуск с Кавказа. После чаю молодежь играла в горелки, а там пустились в танцы. Я приехал домой в 1 час» [Переписка Грота с Плетневым 1896, 260]. Однако вдова поэта была далека от подобных забав и могла лишь наблюдать за беспечным задором гостей.

Кроме мемуаров Араповой, не сохранилось свидетельств апрельского разговора Лермонтова с Натальей Николаевной. Лишь Плетнев вскользь упомянул о самом вечере у Карамзинах в письме к Гроту, но без каких-либо подробностей: «После чаю Жуковский отправился к Карамзинам на проводы Лермонтова, который снова едет на Кавказ по миновении срока отпуска своего» [Переписка Грота с Плетневым 1896, 318]. Между тем, как нам представляется, отголосок той беседы остался в памяти самого поэта, отразившись в известных стихах:

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои плениительные глазки,
И улыбались лукавые уста.
Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья

[Лермонтов 2014, 336].

Автограф стихотворения не сохранился. Опубликованное посмертно [Отечественные записки 1843], оно датируется предположительно 1840–1841 годами [Лермонтов 2014, 655]. Считается, что оно навеяно встречей Лермонтова с неизвестной дамой на маскараде. Однако полумаска, таинственная и холодная, скорее скрывает внутренний мир собеседницы поэта, нежели представляет собой маскарадный атрибут. Мaska потому и оказывается лишь полумаской, что скрывает душевые тайники, закрытые от окружающих или тех, кто не пытается заглянуть глубже, не способен почувствовать сокровенное, и только избранным позволяет понять истинное состояние героини стихотворения, которой не существует в действительности [Удодов 1973, 130]. Она всего лишь «бесплотное виденье» – «плод воображения поэта, его творение, отвечающее его представлениям об идеале внешней и внутренней человеческой красоты» [Удодов 1973, 129], и нет возможности провести какое-либо прямое отождествление с реальным прототипом. Однако этот образ Лермонтов создал, как представляется, под впечатлением своего разговора с Натальей Николаевной. О ее духовной природе часто судили по внешнему облику. Вспомним свидетельство В.И. Туманского: «Пушкина – беленькая, чистенькая девочка, с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки» [Туманский 1912, 310]. В момент общения с Лермонтовым она все еще молода, но пережитая трагедия оставила отпечаток на ее лице, преисполненном глубокой скорби. Встретивший ее итальянский граф Паллавичини свидетельствовал: «Госпожа Пушкина, вдова поэта, убитого на дуэли – прекрасна; омраченное тяжелым несчастьем ее лицо неизъяснимо печально» [Ободовская, Дементьев 198, 244]. Первое впечатление, которое складывалось у не знавших ее близко окружающих, в том числе и у Лермонтова, не соответствовало истинному внутреннему миру пушкинской избранницы. Душевые ее качества разглядел когда-то Пушкин («... а душу твою люблю я еще более твоего лица» [Пушкин 1948, 73]), и теперь – Лермонтов. Наталья Николаевна позднее признавалась в письме ко второму мужу П.П. Ланскому: «Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи, иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве. Эти

минуты сосредоточенности перед иконой, в самом уединенном уголке дома, приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и в ней меня упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца» [Ободовская, Дементьев 1985, 74]. В передаче Араповой признание Лермонтова Наталье Николаевне прозвучало так: «Я видел в вас только холодную неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах!» [Лермонтов в воспоминаниях 1989, 344]

Однако, со своей стороны и Наталья Николаевна оказалась способной на понимание лермонтовской натуры, откликнувшись на признание поэта. Откровенность Лермонтова, поделившегося с вдовой Пушкина своими неприятностями, – факт сам по себе значимый, свидетельствующий в пользу душевных качеств Натальи Николаевны, поскольку далеко не каждому Лермонтов готов был поведать о горестях собственной судьбы. Таким образом, произошло постепенное единение душ собеседников,вшедшее отражение в стихотворении [Альбеткова 1979, 41–42]. Такую же родственную по духу спутницу, которая могла бы понять его, и мечтает встретить Лермонтов.

Позднее Наталья Николаевна войдет в положение высланного в Вятку М.Е. Салтыкова-Щедрина, через своего второго мужа будет хлопотать за него перед С.С. Ланским и добьется возвращения писателя в Петербург, увидев в этой ситуации сходство с пребыванием Пушкина в михайловском изгнании [Ободовская, Дементьев 1985, 331–334]. Так получилось и с Лермонтовым, когда она, если не делом, то добрым, отзывчивым словом попыталась оказать поддержку, дать возможность выговориться исстрадавшемуся от непонимания поэту. Таинственная «полумaska» Натальи Николаевны, в корне отличаясь от безразличных ей «приличьем стянутых масок» [Лермонтов 2014, 311], манила и завораживала: «Он точно стремился заглянуть в тайник ее души и, чтобы вызвать ее доверие, – свидетельствовала Арапова, – сам начал посвящать ее в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его

жизнь, каялся в резкости мнений, в беспощадности осуждений, так часто отталкивавших от него ни в чем перед ним не повинных людей» [Лермонтов в воспоминаниях 1989, 344]. За кажущейся внешней холодностью скрывалась натура, способная понимать и сопереживать, и Лермонтов потянулся к ней. «Может быть, в эту минуту она уловила братский отзвук другого, мощного, отлетевшего духа, но живое участие пробудилось мгновенно, и, дав ему волю, простыми, прочувствованными словами она пыталась ободрить, утешить его, подбирая подходящие примеры из собственной тяжелой доли. И по мере того как слова непривычным потоком текли с ее уст, она могла следить, как они достигали цели, как ледяной покров, сковывавший доселе их отношения, таял с быстротою вешнего снега, как некрасивое, но выразительное лицо Лермонтова точно преображалось под влиянием внутреннего просветления» [Лермонтов в воспоминаниях 1989, 344], – писала Арапова.

Хотя Наталья Николаевна и говорила дочери: «Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз была победа сердца, и вот чем была она мне дорога» [Лермонтов в воспоминаниях 1989, 345], однако, как нам представляется, в данной ситуации она все же немного слукавила. В письме к П.П. Ланскому Наталья Николаевна признавалась: «К несчастью, я такого мнения, что красота необходима женщине. Какими бы она ни была наделена достоинствами, мужчина их не заметит, если внешность им не соответствует» [Ободовская, Дементьев 1985, 312]. Надо полагать, что и Лермонтов не прошел мимо красоты Натальи Николаевны. Он видит ее и мысленно переносится в прошлое, вспоминая В.А. Лопухину-Бахметеву, пребывающую в таком же печальном состоянии при их последнем свидании весной 1838 года. А.П. Шан-Гирей вспоминал о ее внешнем облике в тот момент: «Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде» [Лермонтов в воспоминаниях 1989, 46]. Аналогичные ассоциации возникают у Лермонтова и в стихотворении «Нет, не тебя так пылко я люблю...», когда, обращаясь к другой женщине, возможно к Е.Г. Быховец, он мысленно представляет Лопухину [Лермонтов 2014, 677].

Испытывая мимолетное увлечение красивой женщиной во время беседы с ней, Лермонтов осознавал, что оно не способно заменить его глубокого чувства к Лопухиной, и оттого сразу же упомянул о своей давней любви, но все же лелеял надежду на

дальнейшие дружеские отношения с Натальей Николаевной: «Мы вновь увидимся, как старые друзья». Эти же слова Лермонтова передает и Арапова: «Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеяна мечта, стать когда-нибудь вам другом. Никто не может помешать посвятить вам ту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным» [Лермонтов в воспоминаниях 1989, 344].

Выдвинутое предположение о том, что стихотворение «Из-под таинственной, холодной полумаски...» навеяно беседой Лермонтова и вдовы Пушкина в салоне Карамзинах, позволяет более точно определить временные рамки его создания.

Единственный задушевный разговор станет для обоих собеседников и последним. Спустя месяц с небольшим Наталья Николаевна впервые окажется в Михайловском и вместе с детьми посетит могилу Пушкина в Святогорском монастыре, а Лермонтов приедет на Кавказ, откуда ему не суждено будет вернуться.

Источники

Лермонтов 2014 – Лермонтов М. Ю. *Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1.* СПб., 2014.

Лермонтов в воспоминаниях 1989 – М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Сост., подгот. текста и comment. М.И. Гилльельсона и О.В. Миллер. М., 1989.

Ободовская, Дементьев 1985 – Ободовская И.М., Дементьев М.А. *Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам.* М., 1985.

Отечественные записки 1843 – Отечественные записки. 1843. Т. 28. № 5. С. 80.

Переписка Грота с Плетневым 1896 – Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: В 3 т. Т. 1. СПб., 1896.

Пушкин 1948 – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений:* В 16 т. Т. 15. М.; Л., 1948.

Пушкин в письмах Карамзинах 1960 – Пушкин в письмах Карамзинах 1836–1837. М.; Л., 1960.

Туманский 1912 – Туманский В.И. *Стихотворения и письма.* СПб., 1912.

Литература

Альбеткова 1979 – Альбеткова Р.И. «Из-под таинственной, холодной полумаски...» М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 1979. № 1. С. 40–43.

Удодов 1973 – Удодов Б.Т. М. Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.

ECHOES OF THE MEETING OF M.YU. LERMONTOV WITH A.S. PUSHKIN'S WIDOW IN THE POEM "FROM UNDER THE MYSTERIOUS, COLD HALF MASK..."

© Alexander Valentinovich Kurochkin (2022), ORCID: 0000-0001-8291-0427, lecturer, guide, The National Pushkin Museum (12, The Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia), alkurochkin@mail.ru

The autograph of M.Yu. Lermontov's poem "From under the mysterious, cold half mask..." did not reach us, the motives and details of its creation remain still not clarified. The real work is designed to fill this gap. Traditionally, it is believed that the poem is inspired by Lermontov's meeting with an unknown lady in a masquerade. However, her poetic image arose under the impression of the meeting that took place in reality. On the eve of Lermontov's departure to the Caucasus, he had a conversation with A.S. Pushkin's widow – Natalia Nikolaevna. The details of the conversation reported by her to her daughter from her second marriage – A.P. Arapova, we find in the memoirs of the latter. The comparison of the details of the conversation presented in them, as well as the characteristics of Natalia Nikolaevna's mental disposition and state, transmitted by herself in one of the letters, make it possible to detect echoes of the conversation in the poem "From under the mysterious, cold half mask...". Lermontov initially prejudiced Pushkin's widow, considering her guilty of the death of her husband, but in the process of the conversation he comprehended the true mental qualities of Natalia Nikolaevna, who reacted with deep sympathy to him. Gradually, the unity of the souls of the interlocutors took place, which was reflected in the poem. The date of the meeting allows you to clarify the chronological framework for writing the poem.

Keywords: M.Yu. Lermontov, N.N. Pushkina, A.S. Pushkin, A.P. Arapova, the poem "From under the mysterious, cold half mask...".

References

(Articles from Scientific Journals)

Альбеткова 1979 – Al'betkova R.I. «*Iz-pod tainstvennoj, holodnoj polumaski...*» *M.Yu. Lermontova* [“From under the mysterious, cold half mask...” by M. Yu. Lermontov]. *Russkaya rech'*. 1979, no. 1, pp. 40–43. (In Russian).

(Monographs)

Удодов 1973 – Udodov B.T. *M.Yu. Lermontov: Khudozhestvennaya individual'nost' i tvorcheskie processy* [M.Yu. Lermontov: Artistic identity and creative processes]. Voronezh, 1973. (In Russian).